

ФИЛОСОФИЯ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Р.Г. Иферов

АНТИНОМИСТИЧЕСКИЙ МОНОДУАЛИЗМ КАК ЭПИСТЕМОЛОГЕМА НЕЙРОФИЛОСОФИИ

Аннотация. Исследование посвящено проблеме разработки эпистемологии, соответствующей такому направлению философии, как нейрофилософия. Объектом исследования является логико-философский аспект некоторых философских концепций, таких как прагматический гуманизм Фердинанда Шиллера, антиномистический монодуализм С.Л. Франка, анекантавада джайнов, нейрофилософия Пола и Патриции Черчлендов. Предметом исследования служит логико-философская концепция, являющаяся развитием антиномистического монодуализма, если рассматривать его в логико-философском аспекте. Также её можно рассматривать как развитие идей англоязычных исследователей анекантавады XX века. Её эпистемологические и антропологические предпосылки присутствуют в гуманизме Фердинанда Шиллера. В работе над исследованием были использованы такие методы, как логико-философский анализ, логический анализ, типологический анализ.

Основным выводом и результатом проведённого исследования является тот, что логико-философские идеи С.Л. Франка, воплотившиеся в антиномистическом монодуализме, могут быть востребованы в современный период и внести значительный вклад в создание эпистемологии современного направления философии – нейрофилософии. При этом рассматриваемая концепция вбирает в себя, в своём развитии, родственные ей идеи. В частности, таковыми являются идеи Саткарки Мукерджи и других англоязычных исследователей и популяризаторов анкантавады, а также Фердинанда Шиллера.

Новизна исследования состоит в том, что впервые, пусть пока в масштабе наброска, под антиномистический монодуализм как логико-философскую концепцию подведён современный нейрофилософский онтологический базис. При этом был сделан опыт создания для нейрофилософии логико-философской надстройки. Кроме того, был сделан набросок развития рассматриваемой концепции в рамках воспитательной и мировоззренческой функций философии для воспитания нефанатичного мировоззрения.

Ключевые слова: Фердинанд Шиллер, С.Л. Франк, П. Черчленд, нейрофилософия, антиномистический монодуализм, фанатизм, анекантавада, гуманизм Фердинанда Шиллера, логико-философский, исихазм.

Abstract. The subject of the research is the logical-philosophical concept, which consists in the development of antinomian monodualism, as the logical-philosophical aspect. It can also be viewed as the development of ideas by the English-speaking researchers of anekantavada of the XX century. Its epistemological and anthropological prerequisites are present Ferdinand Schiller's humanism. The main conclusion of the study lies in the fact that the logical-philosophical ideas of S. L. Frank brought to life in the antinomian monodualism, can be in demand in the modern period, as well as contribute into the creation of epistemology of the contemporary direction of philosophy – neurophilosophy. At the same time, the examined concept incorporates in its development all related to it ideas. The scientific novelty consists in the fact that for the first time, although as a sketch, the antinomian monodualism as a logical-philosophical concept is substantiated by the modern neurophilosophical ontological basis. The experience of creation of the logical-philosophical additional structure for neurophilosophy also took place. In addition to that, the sketch for development of the studied concept within the framework of educational and worldviews functions of philosophy for training the non-extreme outlook.

Key words: Hesychasm, Logical-philosophical, Humanism of Ferdinand Schiller, Anekantavada, Fanaticism, Antinomian monodualism, Neurophilosophy, P. Churchland, S. L. Frank, Fernidand Schiller.

В данной статье я исхожу из представленного в моих предыдущих статьях мнения о том, что может быть сформулирована логико-философская доктрина, наиболее разработанная форма которой существует в фило-

софии джайнизма под названием анекантавада, неполноразвитую форму которой представляет собой антиномистический монодуализм С.Л. Франка, подходы к которой намечены в прагматическом гуманизме Фердинанда Шиллера [1]. Думаю, можно

было бы назвать эту систему «неоанекантавада», поскольку основное ядро её, всё-таки, анекантавадическое. При этом, однако, в ней заимствуется содержание из более современных концепций и предназначается она для ответов на вызовы современности. Поскольку же введение новой терминологии не является целью данной статьи, думаю, стоит говорить о развитии идей С.Л. Франка и об антиномистическом монодуализме как эпистемологии нейрофилософии.

Эта система основана на ментальном паттерне, который может возникнуть на любом онтологическом базисе, например, на платоническом, на дхармическом и, как ниже будет показано, элиминативно-материалистическом. Этот паттерн основан на эпистемологической интуиции несводимости – несводимости точек зрения, несводимости логических значений, несводимости мировоззренческих платформ. Эпистемологическая интуиция несводимости естественным образом возникает из онтологической интуиции бесконечного многообразия универсума, универсума в смысле как макро-, так и микрокосмоса. Интуиция же многообразия возникает из принципа реализма, понимаемого как опора в познании на факты восприятия, а не на априорные идеи.

Таким образом, онтологическая интуиция многообразия и базирующаяся на ней эпистемологическая интуиция несводимости являются, в значительной степени, независимыми от онтологического базиса, присущего той или иной философской системе, поскольку они возникают в ситуации коммуникативной выработки истины. Их порождает осознание того, что истина является социальной, она оказывается результатом совмещения разных картин мира, разных жизненных миров, а заставить человека добровольно отказаться от своего жизненного мира невозможно. Как пишет Фердинанд Шиллер, «всякая метафизика, по сути, – индивидуальный эксперимент» и, следовательно, метафизика, «истинная для одного человека... для другого может быть ложной» [1, с. 193].

Краткий набросок обсуждаемой логико-философской концепции

Положение дел или ситуация наблюдения включает два элемента – предмет и наблюдатель. Результаты наблюдения зависят не только от предмета, от его наблюдаемого атрибута и модуса, но и от предрасположенности наблюдателя видеть то или иное. Джайнские анекантавадины описывают данную мысль словом «дхарма», примерно переводимым, в данном контексте, английским словом «trait», которое, в свою очередь, примерно перево-

дится на русский язык словом «особенность» предмета. Это – следующий онтологический уровень после атрибута и модуса. Витгенштейн, в своём примере с картинками – перевертышами, говорит об «аспекте» предмета [2, с. 119 и далее]. И так, возможно восприятие различных содержаний предмета с тем, чтобы различие этих содержаний не нарушало логический закон Аристотеля. Я предлагаю каждое такое содержание называть словом «интерпретация предмета» по аналогии со значением этого термина в квантовой механике. А то самое нечто в наблюдателе, что позволяет ему воспринимать данную интерпретацию, я предлагаю назвать «настроением» наблюдателя. Также я предлагаю говорить о данном «состоянии системы наблюдения», т.е. единства «наблюдатель – предмет», в котором настроенный данным образом наблюдатель видит данную интерпретацию предмета.

Какая из интерпретаций истинна? В каждом данном состоянии системы наблюдения истинна какая-либо одна интерпретация. Искать же какую-либо интерпретацию, истинную «на самом деле», бессмысленно, поскольку, даже если мы её найдём, это будет всего лишь ещё одна интерпретация, истинная для какого-то данного состояния. Утверждение о том, что истинны они все, тоже является ещё одной интерпретацией, истинной для своего состояния. То же можно сказать об утверждениях, что истинна некая единая интерпретация, или что истина принадлежит системе интерпретаций и всех иных подобных утверждениях.

Фердинанд-Шиллеровский гуманист добавил бы к этому, что каждое высказывание есть чьё-то мнение, а ничьё мнение мы не можем отбросить.

Материалист-элиминативист добавил бы, что носителем каждого высказывания является некоторый конкретный мозг, а, поскольку нет оснований предпочесть один мозг другому, то поэтому нет никакой возможности предпочесть одно высказывание другому и, за счёт этого, выбросить какое-либо высказывание из общего массива.

Теперь от онтологической и эпистемологической интерпретации неоанекантавады или неоантиномистического монодуализма перейдём к интерпретации логической.

«Двумя крылами» анекантавады называют саптабхангаваду (сьядваду), что в русскоязычной джайнологической литературе переводится как «семичленка», и наяваду.

Семичленка, формализует многоинтерпретационное описание предмета в следующих семи высказываниях.

1. Относительно любого значения любого атрибута предмета существует состояние наблю-

дения, в котором это значение истинно. Таким образом, первое высказывание системы высказываний анекантавады звучит так: «в некотором смысле несомненно значение данного атрибута данного предмета таково». Или, обозначив предмет через «П», атрибут через «А», обсуждаемое значение атрибута через «х»: $A(P) = x$.

2. Для каждого состояния наблюдения, в котором истинно какое-то значение какого-то атрибута предмета, существует состояние наблюдения, в котором истинно значение, ему противоположное или противоречащее. Таким образом, второе высказывание звучит так: «в некотором смысле, несомненно, значение данного атрибута данного предмета противоположно таковому». Или: $A(P) = \neg x$.

3. Для каждой пары состояний наблюдения с противоположными или противоречащими друг другу значениями некоторого атрибута некоторого предмета, существует состояние наблюдения, в котором истинны оба эти значения. Таким образом, третье высказывание системы высказываний анекантавады звучит так: «в некотором смысле, несомненно, значение данного атрибута данного предмета таково и противоположно таковому». Или: $A(P) = x \wedge \neg x$.

4. Кроме того, существует состояние наблюдения, в котором истинно значение, похожее на третье значение обычной трёхзначной западной логики. Индийские анекантавадины описывают его возникновение следующим образом. Это значение одновременного высказывания истинности обоих несовместимых значений. Оно образовано тем фактом, что разум неспособен помыслить, а язык выразить положение дел одновременной истинности противоречащих значений атрибута. В отличие от него, в третьем высказывании противоположные значения высказываются последовательно. Монодуалист добавил бы к этому, что вся эта система описывает предмет как «непостижимое» и сделал бы ударение на том, что описанием предмета является именно вся система целиком. Ещё он добавил бы, что высказывание, описывающее само «непостижимое» тоже должно быть вставлено в систему и в качестве такового можно считать четвёртое высказывание. Таким образом, первое высказывание системы высказываний анекантавады звучит так: «в некотором смысле, несомненно, значение данного атрибута данного предмета неопределённо или непостижимо». Или: $A(P) = x \neg x$, если взять для «непостижимого» символ $x \neg x$.

5. Высказывания семичленки составляют единую систему, но они не объединены союзом «и». В каждом состоянии наблюдения значения атрибута, истинные в других состояниях наблюдения, являются ложными. Надо отметить, что эта ложность

не является абсолютной, поскольку осознаётся истинность этих значений в других состояниях наблюдения. В то же время неизбежно существование состояний наблюдения, в которых значения атрибута образованы соединением элементарных значений через союз «и». Назовём их «синтетическими» значениями. Одно из таких значений нам уже встретилось, оно содержится в третьем высказывании. Таким образом, пятое высказывание системы высказываний анекантавады звучит так: «в некотором смысле, несомненно, значение данного атрибута данного предмета таково и непостижимо». Или: $A(P) = x \wedge \neg x$.

6. Аналогично шестое высказывание звучит так: «в некотором смысле, несомненно, значение данного атрибута данного предмета противоположно таковому и непостижимо». Или: $A(P) = \neg x \wedge \neg \neg x$.

7. Аналогично седьмое высказывание звучит так: «в некотором смысле, несомненно, значение данного атрибута данного предмета таково и противоположно таковому и непостижимо». Или: $A(P) = x \wedge \neg x \wedge \neg x$.

Семичленка развёртывает свою структуру, так сказать, в «горизонтальной» плоскости. Наявада же делает это, так сказать, в «вертикальном» направлении. Она увеличивает, от взгляда к взгляду, степень конкретизации и подробности описания. В классической наяваде тоже семь элементов, однако, это свойство не является столь же необходимым, как в семичленке, где оно порождается самим принципом построения системы высказываний.

Итак, первый элемент наявады – это восприятие предмета или действия как единичной целостности, второй – восприятие с выделением родовых, третий – видовых, а четвёртый – конкретных пространственно-временных черт предмета. Следующие три взгляда, используя средства языка, конкретизируют восприятие уже на уровне конкретного индивидуального предмета. Пятый взгляд различает слова по синонимичному смыслу, шестой – по этимологии, седьмой – по конкретной флективной форме и ситуации употребления.

Нет причины считать невозможным построение систем интерпретаций предмета, построенных на других способах изменения состояния наблюдателя, т.е. комбинации систем наблюдения «наблюдатель – предмет».

Нейрофилософия как онтологический базис обсуждаемой концепции

Несмотря на указанную онтологическую резистентность принципа несводимости точек зрения,

некоторые онтологии порождают его естественным и неизбежным образом. Из древних онтологий таковой является джайнская, из современных – онтология «философии мозга», philosophy of mind-brain. Из разновидностей последней особенно заслуживает внимания, в рамках данного исследования, нейрофилософия [3].

Главными адептами этого направления в настоящее время являются Пол и Патриция Черчленд, а основные идеи изложены в книге последней [4]. Черчленды обозначают свою позицию, как «элиминативный материализм». Пол Черчленд определяет его как «тезис о том, что исходящая из нашего здравого смысла концепция психологических феноменов представляет собой радикально ложную теорию, теорию, настолько фундаментально повреждённую, что как принципы, так и онтология этой теории должны быть скорее заменены завершённой нейронаукой, чем аккуратно сведены к последней» [5]. Так, например, Патриция Черчленд сводит состояние сознания к деятельности таламуса, а феномены работы сознания предлагает объяснять функционированием локальных и глобальных нейронных сетей [6].

Надо отметить, что подобного рода идеи вызывают возражения у многих философов. Указывается, в частности, что объективистский подход не способен объяснить субъективность восприятия. Например, Томас Нагель в статье «Какое быть летучей мышью» [7] утверждает, что «субъективный характер опыта... невозможно анализировать» ни «в терминах любой системы, объясняющей функциональные или интенциональные состояния», ни «в терминах каузальной роли опыта по отношению к типичному человеческому поведению», поскольку как состояния, так и поведение «логически совместимы с его отсутствием» [7]. По мнению Н.С. Юлиной, «элиминативизм не пользуется особой поддержкой, поскольку противоречит интуиции человека о реальности его внутреннего Я» [8].

При всех недостатках концепции Черчлендов, невозможно сомневаться в основных положениях, которые они имели смелость высказать. Прежде всего, как бы мы не онтологизировали, вплоть до ипостасирования, идеи, законы и тому подобные объекты, даже считая их нематериальными предметами нематериальных миров, тем не менее, мышление, сознание и вся умственная и духовная деятельность человека имеют материальный носитель – высшую нервную систему. Далее, поскольку нервная система развилась в ходе эволюции от самых примитивных беспозвоночных к человеку, её функция и структура должна быть построены по принципу повторения некоего простейшего

«кирпичика», выполнявшего задачу, необходимую для выживания того первого обладателя нервной системы, каковой задачей, скорее всего, является ориентация в пространстве. По мнению Патриции Черчленд, тот первый элементарный нейронный ансамбль осуществлял тензорное исчисление векторов движения окружавших его объектов [4, pp. 412-419], если это и не было, в собственном смысле слова, так, то, всё равно, его деятельность являлась анализом движения тел. Следовательно, она должна была как-то учитывать свойства пространства и движения.

Например, наше пространство трёхмерно и каждое измерение состоит из двух лучей, направленных в бесконечность из нулевой точки отсчёта – положения самого организма. Пространство измеримо, а все объекты в нём соизмеримы. Движение обладает направленностью и точками начала и конца. Поэтому самая естественная логика должна включать в себя двойственность с равновесными двумя элементами – по числу полюсов в каждом измерении и двойственность с неравновесными элементами – по числу точек, ограничивающих движение. Далее, она должна включать тройственность равновесную – по числу измерений и тройственность с одним выделенным элементом, по причине наличия у каждого измерения двух полюсов и нулевой точки. И, наконец, она должна включать в себя седмеричность, поскольку всего существуют шесть полюсов и нулевая точка. Из существующих на свете логик, только саптаханга включает весь этот набор.

Концепция Черчлендов, разумеется, далеко не первая в ряду попыток построения философии на основе наблюдаемых фактов и обоснованных теорий науки, а не выдуманных платонических умозрений. В области знания превалирование науки над философией давно уже является очевидным. В связи с этим возникает вопрос о построении философии от науки, который в новой науке можно проследить с момента научной революции в конце XIX – начале XX вв. Нильс Бор писал об этом в статье «Квантовая физика и философия»: «значение физических наук для философии состоит не только в том, что они всё время пополняют сумму наших знаний о неодушевлённой материи, но и прежде всего в том, что они позволяют подвергнуть проверке те основания, на которых покоятся наши самые первичные понятия, и выяснить область их применимости» [9, с. 139]. О том же писал Альберт Эйнштейн в статье «Физика, философия и научный прогресс»: «Если под философией понимать поиск знания в его наиболее широкой и наиболее общей форме, то её, очевидно, можно считать матерью

всех научных исканий. Но верно и то, что различные области науки, в свою очередь, оказывают сильное влияние на тех учёных, которые ими занимаются, и, кроме того, сильно воздействуют на философское мышление каждого поколения» [10, с. 318]. Вернер Гейзенберг в статье «Развитие философских идей после Декарта в сравнении с современным положением в квантовой теории», используя «современную физику... как модель – с целью проверить результаты... философских систем от Декарта до Канта» и приходит к выводу, что «путём только рационального мышления никогда нельзя прийти к абсолютной истине», поскольку «значения всех понятий и слов... не могут быть точно определены» [11, с. 40].

Однако если в разговоре о влиянии физики на философию речь больше идёт об онтологии, то разговор об исследованиях мозга больше касается антропологии. Теория познания, представленная в обоих случаях натуралистической эпистемологией, в случае физической философии касается больше гносеологии как метафизического соотношения познающего и познаваемого, а в случае нейрофилософии – антропологии познания как науки об ориентации индивида в мире.

Попробуем представить, как могла бы выглядеть логико-философская доктрина, основанная на нейрофилософской гносеологии.

Нейрофилософское Благо и нейрофилософская Истина

Что такое Благо? И что значит быть причастным Благому? Думаю, вкратце можно сказать, что Благо – это то, что хорошо. Быть же причастным благу означает, что тебе хорошо. А что значит, что человеку хорошо? Иначе говоря, когда можно не сомневаться, что человек, чувствует, что ему хорошо? Несомненно, это имеет место тогда, когда дофаминовые рецепторы центра удовольствия в его мозгу загружены дофамином. Итак, Благо есть количество энергии, выделившейся в результате мембранного тока, вызванного взаимодействием с дофамином дофаминовых рецепторов центра удовольствия.

Что такое Истина? Как пишет Платон, идея Блага «придаёт познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать», она является «причиной знания и познаваемости истины» [12]. За истину у нас отвечает высшая лобная ассоциативная зона ростральной части верхней лобной извилины, связанная со способностью к абстракциям и вообще к познавательной и интеллектуальной деятельности [13]. Таким образом, Истина – это дофаминовое удовлетворение меди-

ального переднемозгового пучка, вызванное удовлетворением высшей лобной ассоциативной зоны вследствие их рефлекторной связи. Вследствие описанного механизма рождения Блага и Истины, будем говорить далее о «дофаминовой логике» и «дофаминовой концепции истины». Надо отметить, что эта истина здесь у каждого своя, а истины различных людей несводимы друг к другу, поскольку рождение истины сводится к взаимодействию некоторых конкретных молекул дофамина с некоторыми конкретными молекулами рецепторных мембран. Рецепторы же и взаимодействующие с ними молекулы медиаторов в одном мозгу никак не связаны с рецепторами и молекулами медиаторов в другом мозгу.

Дофаминовая концепция истины

Введём соответствующую описанной картине концепцию истины, а именно – концепцию истины как полноты.

На первый взгляд, истина, в описываемой модели – это механическая разница количеств рецепторов «сытых» и рецепторов «голодных». Казалось бы, ситуация сводится к обычной когерентной концепции истины. Однако нет никаких оснований предпочесть реакцию удовлетворения в одном мозгу реакции удовлетворения в другом мозгу. Поэтому в дофаминовой концепции истины, в отличие от когерентной или корреспондентной концепций, ни одна из контрарных или противоречивых точек зрения не может быть исключена ни голосованием, ни вычислением силлогизмов. Поэтому истинностные значения в дофаминовой концепции представляют собой потенциально бесконечное множество несводимых друг к другу «атомов» истины. Каждый «атом истины» соответствует конкретному мозгу, его породившему. Вычисление логического выражения, в этом случае, представляет собой не сведение массива значений к одному значению, а ту или иную трансформацию массива.

Итак, в концепции истины как полноты, выражение «более истинный» употребляется в отношении массива. Здесь оно означает, что данный массив является «более полным», чем другой, который является «менее полным» и поэтому «менее истинным».

Рассмотрим отношение дофаминовой концепции истины и принципа противоречия. Примем во внимание, что мера истинности, как указано выше, индивидуальна и для каждого человека она равна степени загруженности дофамином центра удовольствия. Всплеск истинностного удовольствия, в

различных конкретных мозгах, может быть вызван восприятием, в том числе, совершенно противоречивых вещей. При этом не существует оснований предпочесть один дофаминовый всплеск другому. Таким образом, в мире реальных людей, чьи мозги работают на медиаторах, принцип противоречия Аристотеля совсем не имеет места.

Операции дофаминовой логики

Рассмотрим, как будут выглядеть операции дофаминовой логики. Эти операции производятся над массивом мнений. Каждому индивиду [и] принадлежит мнение [м(и)]. Индивиды объединены в массив индивидов [М(и)], мнения – в массив мнений [М(м)]. Каждое мнение характеризуется атрибутом и значением атрибута.

Итак, операции дофаминовой логики выглядят следующим образом.

Конъюнкция – объединение массивов мнений при объединении массивов индивидов.

Дизъюнкция – прямо противоположное разделение массива мнений при разделении массива индивидов.

Импликация (упорядочивание, упорядочивающее преобразование массива мнений). В результате проведения операции упорядочивания над М(м) образуется положительный массив утвердительных высказываний М(п). В массиве М(п) мнения сгруппированы вокруг каких-то объектов, являющихся подлежащими предложений, выражающих эти мнения.

Отрицание. Для каждого мнения м(п) из массива М(п) определяется противоположное или противоречащее ему мнение м(о). Все м(о) образуют массив М(о).

Усреднение. Для каждой пары м(п) и м(о) определяется мнение неопределённое м(н), исходящее из невозможности сделать определённый выбор между м(п) и м(о). Таким образом, образуется массив мнений М(н).

Комбинирование. Для каждой тройки мнений м(п), м(о), м(н) определяются мнения, соответствующие комбинированию точек зрения: «и да и нет» – м(по), «и да и неопределённо» – м(пн), «и нет и неопределённо» – м(он), «и да и нет и неопределённо» – м(пон). Комбинированные мнения формируют массивы М(по), М(но), М(пон).

Систематизация. Наконец, формируются системные мнения м(с), каждое из которых объединяет семь точек зрения: да, нет, неопределённо, да и нет, да и неопределённо, нет и неопределённо, да и нет и неопределённо. Из них формируется системный массив мнений М(с).

Анекантизация. Это – операция, состоящая из последовательно осуществленных операций Импликации, Отрицания, Усреднения, Комбинирования, Систематизации.

Конфликтологический аспект рассматриваемой концепции

Вообще, при столкновении точек зрения, логика мышления человека, воспитанного на анекантиваде, следующая:

1. в некотором смысле, несомненно, полностью истинна точка зрения А, поскольку есть неопровержимые аргументы в её пользу;
2. в некотором смысле, несомненно, полностью истинна точка зрения Б, по той же причине;
3. в некотором смысле, несомненно, полностью истинны они обе, поскольку аргументы не уничтожают друг друга;
4. в некотором смысле, несомненно, истина неопределённая;
5. в некотором смысле, несомненно, кто прав, неизвестно, но многие считают истинной точку зрения А;
6. в некотором смысле, несомненно, кто прав, неизвестно, но многие считают истинной точку зрения Б;
7. в некотором смысле, несомненно, кто прав, неизвестно, но многие считают истинными обе точки зрения.

Как бы анекантивадин мыслил, столкнувшись с конфликтом двух теорий, например, волновой и корпускулярной теорий света:

1. в некотором смысле, несомненно, полностью истинна корпускулярная теория;
2. в некотором смысле, несомненно, полностью истинна волновая теория;
3. в некотором смысле, несомненно, полностью истинны обе теории;
4. в некотором смысле, несомненно, свет является самим собой, а обе теории не вскрывают его собственной сути;
5. в некотором смысле, несомненно, полностью истинна корпускулярная теория, но нужно помнить, что свет является неопределённым с её точки зрения самим собой;
6. в некотором смысле, несомненно, полностью истинна волновая теория, но нужно помнить, что свет является неопределённым с её точки зрения самим собой;
7. в некотором смысле, несомненно, полностью истинны обе теории, но нужно помнить, что свет является неопределённым с их точки зрения самим собой.

Отмечу, что современная научная концепция света ближе как раз к индийскому махавирскому, чем к классическому европейскому аристотелевскому мировоззрению. Иногда надо считать по волновым уравнениям, иногда – по корпускулярным, иногда же надо учитывать корпускулярно-волновой дуализм. А некоторые задачи надо решать по уравнениям квантовой оптики. Возможно, не трать учёные времени на бесполезные склоки, а живя с самого начала по подобной схеме, построение теории света было бы закончено заметно быстрее.

То же самое хотелось бы сказать и обо всех конфликтных ситуациях в науке, принадлежащих к рассматриваемому классу. При возникновении любой теории, удовлетворительно объясняющей какое-либо явление, надо быть готовым к тому, что вскоре появится ей альтернативная, причём онтологически она будет, насколько в данной области знания возможно, противоположна. Далее окажется, что истинны и неистинны, в зависимости от взгляда, они обе. Далее возникнет теория, онтологически противоположная им обоим и, при этом, более обращённая к сути предмета, который в ней предстаёт как нечто более «чуждое», «непостижимое», «невыразимое», нечто, по сравнению с ними, более приближенное к содержанию термина «вещь в себе».

Примером может послужить пример со сменой парадигм механики в XVII и в XX вв. Аристотелевская физика сменилась ньютоновской, основанной на противоположной онтологической доктрине бесконечности, подразумевающей бесконечное изотропное пространство, бесконечное движение, бесконечный радиус действия силы. Потом пришёл Эйнштейн, сказавший, что движение, в собственном смысле слова, представляет собой нечто вообще иное, непредставимое по сравнению с ними обоими. В быту же и при Ньюtone и при Эйнштейне люди продолжали мыслить, как Аристотель. Сейчас все три парадигмы в разных комбинациях сосуществуют.

Важно отметить, что здесь нет восприятия предмета, т.е. движущегося тела, в разных отношениях. Здесь воспринимается один предмет, в одном и том же отношении. Различие – в состоянии наблюдателя, смотрящего на мир или теми или другими или третьими глазами. Нельзя даже сказать, что одно восприятие истиннее, чем другое, поскольку попытки учесть скорость света в работе автомобиля или равенство ускорения свободного падения в движении коробки на складе даст именно неверный результат.

В религиозной сфере, при наблюдении анекдотавадином конфликта адептов двух религий, в его голове возникнет следующая схема:

1. в некотором смысле, несомненно, полностью истинна религия А, поскольку есть неопровержимые аргументы в её пользу;

2. в некотором смысле, несомненно, полностью истинна религия Б, по той же причине;

3. в некотором смысле, несомненно, полностью истинны они обе, поскольку аргументы не уничтожают друг друга;

4. в некотором смысле, несомненно, религиозная истина непознаваема и полностью откроется в конце времён;

5. в некотором смысле, несомненно, религиозная истина непознаваема, но есть аргументы в пользу религии А;

6. в некотором смысле, несомненно, религиозная истина непознаваема, но есть аргументы в пользу религии Б;

7. в некотором смысле, несомненно, религиозная истина непознаваема, но есть аргументы в пользу как религии А, так и религии Б.

Другой вариант той же схемы в варианте для положения дел, в котором сам анекдотавадин участвует в дискуссии:

1. он – адепт религии А;

2. оппонент – адепт религии Б;

3. обе религии присутствуют в религиозном пейзаже нашей местности;

4. доказать в религиозной сфере ничего невозможно по определению, поскольку любая религия окончательное подтверждение своей доктрины относит на конец времён;

5. религиозная истина недоказуема, однако он – адепт религии А;

6. религиозная истина недоказуема, однако оппонент – адепт религии Б;

7. религиозная истина недоказуема, однако обе религии присутствуют в религиозном пейзаже нашей местности.

Таким образом, если там, где у фундаменталиста из Техаса или из ИГИЛ в уме в ячейке для истины заложена однопозиционная схема, в крайнем случае, бинарная: истина – ложь, у анекдотавадина заложена схема, как минимум, семипозиционная. К тому же анекдотавадистская или антиномистически-монодуалистическая схема обладает потенциалом к неограниченному расширению, поскольку, по каждому признаку можно придерживаться какой-то точки зрения, относительно которой возникает своя семичленка. В результате, в некотором месте у фундаменталиста расположена единственная истина, которой он и следует, а иначе нельзя, иначе разрушится его жизненный мир, а вместе с миром и он сам. Всё же, что не совместимо с этой единственной истиной, не совместимо и с его кар-

тиной мира и, следовательно, либо уничтожит её, уничтожит его жизненный мир, либо должно быть уничтожено само. У анекантавадина же там расположено некоторое, в потенциале бесконечное множество истин, одной из которых следует он и эта истина является частью его жизненного мира. Все же остальные, кто придерживается других истин о том же самом модусе – они живут в других жизненных мирах, в других вселенных. Между их миром и миром анекантавадина – онтологическая пропасть и, соответственно, они никак не касаются его мира и истины, фундирующие их картины мира, никак не могут повредить его жизненному миру.

Подобная позиция дала возможность первым своим носителям – индийским последователям Махавиры – выступить в качестве примирителей непрерывных и довольно жёстких конфликтов религиозных мыслителей шраманского периода. Франк, в свою очередь, призывает западных людей межвоенного периода «выйти... за пределы своего... мирка... восчувствовать его ограниченность и относительность и равноправие наряду с ним тех “миров”, в которых живут другие» [14, с. 104].

Итак, направленность мышления, привычные движения мысли, реализовавшиеся в форме анекантавады, антиномистического монодуализма, прагматического гуманизма и им подобных доктрин, будут особенно востребованы в современную эпоху, которая, с одной стороны, представляет собой эпоху глобализации, а с другой – эпоху постоянно где-то идущих локальных конфликтов.

Особенно важным, на мой взгляд, является тот факт, что в наступающую эпоху «нового средневековья» ожидаются масштабные конфликты на религиозной почве. Продолжаются также конфликты на почве национально-расовой. Конечно, главной движущей силой любой войны являются агрессивные амбиции каких-то правящих кругов, но, не будь у простых людей потенциала религиозной или национальной напряжённости, их было бы невозможно поднять на войну, и конфликт элит разрядился бы какими-то иными путями. Готовность же простого человека умирать и убивать не ради физического выживания, а ради вещей нематериальных определяется тем, что религия и национальность формируют его жизненный мир. Потеря же жизненного мира является смертью в более сильном смысле слова, чем даже физическая смерть, каковая для человека религиозного или характеризующегося сильным родовым и национальным мышлением не является смертью в полном смысле слова, в отличие от разрушения его структурированного религией и нацией жизненного мира.

Картина жизненного мира может обладать разной степенью устойчивости, которую возможно, при определённом усилии, повысить. В частности, элементом повышенной устойчивости картины жизненного мира является максимально множественное мышление. Недаром этой чертой характеризуются люди эпохи пост- и постпостмодерна, живущие в современном глобализованном мире. Те же, чьё мышление обладает чрезмерной однозначностью, уходят в маргиналию и в оппозицию к этому миру, превращаясь в фанатиков той или иной религии, образа жизни или чего-то ещё.

Одним же из средств воспитания такой множественности мышления является практика множественной логики. Особенно это касается обсуждающейся системы, в силу её непосредственной приложимости к обыденной жизни, а также, в силу того, что к ней в наибольшем смысле приложим эпитет «множественная». Кроме того, её первой и наиболее разработанной формой является анекантавада, созданная в Индии для решения задачи интеллектуального фундирования мирного сосуществования разнообразных религиозных течений Индии.

Разбор некоторых возражений

Такой подход, разумеется, может встретить эмоциональную реакцию у религиозных адептов, вызванную непониманием ими смысла излагаемой им концепции. У людей, которые не расположены к общению служителей и руководителей традиционных религиозных течений концепция вызывает неприятие. Это неприятие выражается в обвинениях в экуменизме и ньюэйджерстве. С другой стороны, у гуру новых религиозных движений концепция вызывает энтузиазм, поскольку им кажется, что она выступает за уравнивание и объединение всех религий. И то, и другое неверно. Да, концепция способствует примирению адептов и сторонников различных религий, идей и тому подобных комплексов убеждений. Однако она эти комплексы не объединяет, не отождествляет, не приравнивает и не делает ничего подобного. Дело в том, что «единство» или «равенство» религий или теорий – это тоже точка зрения, и она не может быть воспринята иначе, чем на фоне других точек зрения.

Таким же будет ответ на обвинение в скептицизме, нигилизме и плюрализме. Скептик утверждал бы, что, если мы пишем систему взаимопроверчивых высказываний, полностью уравниваемых в правах, то мы или не знаем и не можем знать, какое из них истинно. Плюралист – что мы считаем истинными их всех или любое из них абсолютно

по нашему произволу без всякого правила и закона. Нигилист – что мы абсолютно волюнтаристически считаем их все или любое из них ложными. Да, на первый взгляд, кажется, что высказывание может быть или истинным или ложным, а, если не так, то просто требуется дополнительное исследование. Однако все эти утверждения являются высказываниями, сделанными наблюдателями, находившимися в определённых состояниях в рамках определённых систем наблюдения. В рамках своей наблюдательной системы каждое из них, безусловно, является полностью истинным – но только в рамках своей системы.

Однако данная концепция не была бы самой собой, если бы утверждала абсолютную невозможность аргументов против самой себя. Против неё существует очевидный убийственный аргумент, только он лежит не области философии в собственном смысле слова, а в области жизненной практики или, если хотите, философии политической. Концепция представляет собой профилактическое лекарство от фанатизма. Но победу даёт именно фанатизм, армия фанатиков всегда победит армию умеренных. Поэтому, если в каком-то обществе активно распространяются антиномистические и близкие им взгляды, можно, с высокой долей вероятности, подозревать, что их распространяет какой-то враг, с целью ослабить сопротивление себе и что, проведя подготовительную работу, враг придёт с армией фанатиков и на территории, которая тогда будет принадлежать ему, отменит анекантаваду.

Ответ на этот аргумент состоит в том, что монодуалистическое, множественное мировосприятие, в силу самого своего множественного характера, требует своего «Альтер-эго», требует присутствия в мировоззрении абсолютно фанатичного единообразного элемента. Подробный анализ взаимоотношений анекантавадического и фанатического элементов в индивидуальном и общественном мировоззрении достаточно обширен и лежит за рамками данной статьи. Вкратце по этому поводу можно сказать следующее.

Антиномистический монодуализм и исихазм

Антиномистическое мышление естественно для человека и достаточно устоявшиеся общества неизбежно включают в себя анекантавадический момент. Правоверие нуждается в иноверии, без которого оно начинает дробиться на течения, каждое из которых воспринимает себя как правоверие, а другие течения – как ереси. Фанатику нужны умеренные, без их фона он не будет борцом за чистоту

веры. Фанатику нужны враги, иначе ему не с кем будет бороться.

Поэтому, даже если ты фанатик, то не стоит бороться за абсолютную победу, потому что она будет означать поражение, поскольку неминуемым её следствием будет переход к внутренней междоусобице. Нужно развивать своё видение, и оно даст тебе ту победу, которая реально возможна, т.е. победу твоего видения в рамках твоей интерпретации.

Таким образом, адепты любого течения, общественного движения, религии и тому подобного могут гармонично существовать в обществе с монодуалистической философской основой мировоззрения и при этом быть фанатиками. Суть в том, что фанатизм этот должен быть направлен на развитие своего взгляда во вселенной своей интерпретации. При встрече же с фанатиками другой интерпретации, претендующими на абсолютную власть, не стоит вступать с ними в это безнадёжное соревнование. Не нужно вступать во внешнюю борьбу более чем необходимо для того, чтобы воспрепятствовать их борьбе с нашим видением во вселенной нашей интерпретации. Нужно дать им возможность погибнуть или в борьбе с подобными претендентами или, захватив абсолютную победу, от внутренних расколов. Свой же фанатизм нужно направить на развитие своей интерпретации, своего видения.

В рассуждении о пути развития своей интерпретации универсума, думаю, можно последовать создателю антиномистического монодуализма С.Л. Франку и джайнским анекантавадинам. Свой подход к решению проблемы конфликта интерпретаций Франк обозначил, когда рассматривал вопрос несовместимости таких понятий, как зло, всеблагость и всемогущество Бога или свобода человека, всеведение и всемогущество Бога. Франк пишет, что все эти денотаты всех этих понятий даны нам в непосредственном опыте [14, с. 490-495]. В том же объёме, в котором эти предметы нам открыты, они логически несовместимы. Существует ли это логическое совмещение и, если да, то как оно выглядит, мы пока не знаем, узнаем ли когда-либо в будущем, тоже неизвестно.

Мне кажется, что Франку можно в этом вопросе доверять, поскольку он действительно говорит о том, что пережил в опыте, в силу того, что этот опыт, опыт переживания добра и зла мира, свободы и ограниченности человека, всеведения, всемогущества и всеблагости Бога, у него был. Примерно о том же пишут индийские анекантавадины, когда противопоставляют свою позицию, реализм, в смысле опоры в познании на факты опыта, а не на априорные идеи, противоположной позиции, или идеализму.

Таким образом, конфликты интерпретаций сводятся к различию опытов. У нас нет доступа в чужой опыт. Нейрофилософы скажут, что скоро нас ожидает непосредственная передача восприятий от мозга к мозгу. Думаю, однако, что, как и все предсказания, исполнения которых нейрофилософы ожидают от будущего, это предсказание остаётся пока предметом веры.

Таким образом, в наиболее собственном смысле видение в рамках данной интерпретации реализовано в соответствующем опыте. В частности, в православной интерпретации наиболее отчётливую экземпляризацию православного видения в качестве мировоззрения конкретного человека можно найти в фигурах «делателей» православного «делания», т.е. людей, практикующих ту или иную православную духовную практику. Практика может быть внешней, будь то добродетель, т.е. социальное служение и благотворительность или аскетика, т.е. упражнением в уменьшении зависимости души от тела. Может она быть и внутренней, которая и называется «деланием» в узком смысле

слова. В этом смысле она ещё называется более точным названием «умное делание». Этим термином обозначается обширный круг упражнений и практик по молитве в уме, «про себя», без внешних проявлений.

Таким образом, в ситуации, когда какое-то религиозное или политическое или какое-то иное течение находится в окружении множества иных интерпретаций вселенной, многие из которых представлены сообществами фанатиков, путь внешней борьбы является ошибочным. Тем более опасно направлять эту борьбу на достижение абсолютной победы, а так обычно, к сожалению, все и делают, пусть и не декларируют это открыто. Правильным же является путь развития своей интерпретации, причём направление этого пути должно лежать в области опыта. Скажем, если говорить о современном состоянии Русской Православной Церкви, то можно было бы рекомендовать не путь политической и юридической борьбы, а путь православного делания, т.е. благотворительности, аскетики и, особенно, «умного делания».

Список литературы:

1. Иферов Р.Г. Антиномистический монодуализм С.Л. Франка в философско-логическом аспекте и «гуманизм» Фердинанда Шиллера // Вестник ВГУ. 2015. № 2. С. 112-118.
2. Шиллер Фердинанд. Наши человеческие истины / Пер. с англ. В. Гольшева. М., 2003.
3. Витгенштейн Людвиг Йозеф Йоганн. Философские исследования. Кембридж. 1945. 142 с. // Русский Гуманитарный Интернет Университет. Библиотека учебной и научной литературы.
4. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004.
5. Churchland Patricia Smith. Neurophilosophy: Toward a Unified Science of the Mind-Brain. MIT Press, Cambridge, Mass., 1986. 560 pp.
6. Churchland Paul. Eliminative materialism and the propositional attitudes // The journal of philosophy. Vol. 78. № 2, feb. 1981.
7. Churchland Patricia Smith. Лекция в Московском Обществе Исследований Сознания. 2015 июля. URL: <http://hardproblem.ru/events/видеозапись-лекции-нейрофилософия-в/> (дата обращения: 15.10.2015).
8. Nagel Thomas. What is it like to be a bat? // The Philosophical Review LXXXIII, 4 (October 1974). P. 435-450.
9. Юлина Н.С. Физикализм: дивергентные методы исследования сознания // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 153-166.
10. Бор Нильс. Атомная физика и человеческое познание / Пер. с англ. В.А. Фока и А.В. Лермонтовой. М.: Изд-во Иностранной Литературы, 1961. 152 с.
11. Эйнштейн Альберт. Собр. научн. тр.: в 4 т. Т. 4 / Под ред. И.Е. Тамма, Я.А. Смородинского, Б.Г. Кузнецова. М.: Наука, 1967.
12. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое / Пер. с нем. М.: Наука, Гл. ред. Физ.-мат. Лит., 1989. 400 с.
13. Платон. Государство. Книга VI. URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/plato01/26gos06.htm> (дата обращения: 10.10.2015).
14. URL: medbiol.ru/medbiol/mozg/00036c56.htm#000fee2e.htm (дата обращения: 10.10.2015).
15. Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Человек и Бог. Мн.: БПЦ (БЭМП), Харвест, 2009. 528 с.
16. Хоружий С.С. О ценности личного общения в мире гуманитарной коммуникации // Культура и искусство. 2012. № 3. С. 46-49.
17. Омарова З.У., Якубова С.З. Религиозно-политический экстремизм: идеология противодействия // Политика и общество. 2011. № 10. С. 22-26.
18. Берсенева Т.П. Синергия. Синергетика. Диалектика. // Человек и культура. 2013. № 5. С. 35-46. DOI: 10.7256/2409-8744.2013.5.9526. URL: http://www.e-notabene.ru/ca/article_9526.html.
19. Кириченко О.И. Атеистическое воспитание как важный фактор профилактики религиозного экстремизма в молодёжной среде // Вопросы безопасности. 2015. № 1. С. 159-171. DOI: 10.7256/2409-7543.2015.1.10263. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_10263.html.

References (transliterated):

1. Iferov R.G. Antinomisticheskii monodualizm S.L. Franka v filosofsko-logicheskom aspekte i «gumanizm» Ferdinanda Shillera // Vestnik VGU. 2015. № 2. S. 112-118.
2. Shiller Ferdinand. Nashi chelovecheskie istiny / Per. s angl. V. Golysheva. M., 2003.
3. Vitgenshtein Lyudvig Iozef Iogann. Filosofskie issledovaniya. Kembridzh. 1945. 142 s. // Russkii Gumanitarnyi Internet Universitet. Biblioteka uchebnoi i nauchnoi literatury.
4. Filosofiya: Entsiklopedicheskii slovar' / Pod red. A.A. Ivin. M.: Gardariki, 2004.
5. Churchland Patricia Smith. Neurophilosophy: Toward a Unified Science of the Mind-Brain. MIT Press, Cambridge, Mass., 1986. 560 pp.
6. Churchland Paul. Eliminative materialism and the propositional attitudes // The journal of philosophy. Vol. 78. № 2, feb. 1981.
7. Churchland Patricia Smith. Lektsiya v Moskovskom Obshchestve Issledovaniy Soznaniya. 2015 iyulya. URL: <http://hardproblem.ru/events/videozapis'-lektzii-neirofilosofiya-v/> (data obrashcheniya: 15.10.2015).
8. Nagel Thomas. What is it like to be a bat? // The Philosophical Review LXXXIII, 4 (October 1974). P. 435-450.
9. Yulina N.S. Fizikalizm: divergentnye metody issledovaniya soznaniya // Voprosy filosofii. 2011. № 9. S. 153-166.
10. Bor Nil's. Atomnaya fizika i chelovecheskoe poznanie / Per. s angl. V.A. Foka i A.V. Lermontovoi. M.: Izd-vo Inostrannoi Literatury, 1961. 152 s.
11. Einshtein Al'bert. Sobr. nauchn. tr.: v 4 t. T. 4 / Pod red. I.E. Tamma, Ya.A. Smorodinskogo, B.G. Kuznetsova. M.: Nauka, 1967.
12. Geizenberg V. Fizika i filosofiya. Chast' i tseloe / Per. s nem. M.: Nauka, Gl. red. Fiz.-mat. Lit., 1989. 400 s.
13. Platon. Gosudarstvo. Kniga VI. URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/plato01/26gos06.htm> (data obrashcheniya: 10.10.2015).
14. URL: medbiol.ru/medbiol/mozg/00036c56.htm#000fee2e.htm (data obrashcheniya: 10.10.2015).
15. Frank S.L. Nepostizhimoe. Ontologicheskoe vvedenie v filosofiyu religii // Chelovek i Bog. Mn.: BPTs (BEMP), Kharvest, 2009. 528 s.
16. Khoruzhii S.S. O tsennosti lichnogo obshcheniya v mire gumanitarnoi kommunikatsii // Kul'tura i iskusstvo. 2012. № 3. S. 46-49.
17. Omarova Z.U., Yakubova S.Z. Religiozno-politicheskii ekstremizm: ideologiya protivodeistviya // Politika i obshchestvo. 2011. № 10. S. 22-26.
18. Berseneva T.P. Sinergiya. Sinergetika. Dialektika // Chelovek i kul'tura. 2013. № 5. S. 35-46. DOI: 10.7256/2409-8744.2013.5.9526. URL: http://www.e-notabene.ru/ca/article_9526.html.
19. Kirichenko O.I. Ateisticheskoe vospitanie kak vazhnyi faktor profilaktiki religioznogo ekstremizma v molodezhnoi srede // Voprosy bezopasnosti. 2015. № 1. S. 159-171. DOI: 10.7256/2409-7543.2015.1.10263. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_10263.html.